

ХАЙДРОК

НАЛОГ КРОВЬЮ

47

47

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Кочубей

Хайдрок. Налог Кровью # 47

«Автор»

2026

Кочубей В.

Хайдрок. Налог Кровью # 47 / В. Кочубей — «Автор», 2026

Хайдрок. Налог кровью 47Триста лет прошло после катастрофы, едва не уничтожившей человечество. Люди снова строят города, торгуют, растят детей и стараются не вспоминать о том, что осталось за границами обжитых земель. Но раз в год о прошлом напоминают. Орден собирает Налог кровью. Для Аронда этот день должен был стать всего лишь ещё одним неприятным утром. Несколько часов — и можно возвращаться к обычной жизни. Но из урны он вытаскивает чёрный жребий. А вместо имени получает номер.47.

Содержание

Глава 1 # 47	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Виталий Кочубей

Хайдрок. Налог Кровью # 47

Глава 1 # 47

ГЛАВА 1

Солнечное пятнышко сползло со сруба, задело край сундука и упёрлось Аронду в веки.

Он не стал закрываться локтём. Лежал, слушая, как снаружи, на побеленных у корней дубах, гомонят воробьи и перекликаются мелкие пичужки, а с левой стороны, где за домами широко и быстро катятся воды Рекота, доносится ровный, едва слышный гул речной стремнины. Но первым, что окончательно прогнало остатки сна, был запах. Из соседней пекарни Андо несло густым, душным жаром — пекли свежий ржаной хлеб на закваске, с хрустящей тёмной коркой.

Аронд потянулся, слушая, как суховато похрустывают позвонки. Матрас под ним был упругим, полным свежей соломенной набивки — дядя Клео купил его у деревенских всего неделю назад взамен старого, слежавшегося в блин.

Он сел на краю кровати, опустил босые ноги на сухие, выскобленные дочиста половицы и нащупал на столе прохладный кругляш.

Серебряная монета из земель Зумфозеанов. Тяжёлая, с чуть стёршимся зазубренным краем. На одной стороне проступал тупой лоб рыбы с короткими плавниками, на другой — плоский щит с широким умбоном. Отец привёз её из дальнего похода за два года до того, как свалился с лихорадкой на тракте.

«Держи, Аронд. Серебро честное, зумфозеанское. Сбережешь — оно тебя сбережёт».

Аронд привычным, тысячу раз повторённым движением большого пальца отправил монету вверх. Она крутанулась в воздухе, коротко звякнула, упала в ладонь, и он, не разжимая кулака и даже не глянув, что там — рыба или щит, опустил её на дно кармана шерстяной туники.

— Аронд! Ну сколько тебя ждать? Всё остынет, — донёсся снизу голосистый, чуть дребезжащий голос тёти Миры.

В углу стояла дубовая бадья с натасканной с вечера водой. Аронд подошёл, нагнулся и зачерпнул воду руками. Холод обжёг лицо, ударил в виски, окончательно выбивая лень. Он с удовольствием отдулся, вытерся грубым льняным полотенцем, от которого пахло сушёным чабрецом, и стал одеваться.

Сегодня он вытащил из сундука не рабочую рубаху, а свежую льняную, сурового некрашеного цвета, а поверх накинул тёмно-синюю шерстяную тунику длиной до середины бедра. Натянул плотные штаны, затянул на талии кожаный пояс с простой железной пряжкой и коротким бытовым ножом в кожаных ножнах, а затем присел, завязывая ремешки на чистых ботинках из плотной юфти.

В конце концов, сегодня жеребьёвка. На площади собратся должен весь город, да и вечером в таверне Якоба наверняка появится Велис.

Снизу, из кухни, густо несло жареным салом, луком и запечёнными в печи яйцами.

За тяжёлым дубовым столом, упершись локтями в выскобленную столешницу, сидел дядя Клео. В одной руке он держал ломоть серого хлеба, в другой — деревянную ложку, которой поддевал со сковороды яичницу с кусками свинины и помидорами.

— Выспался, соня? — Клео кивнул на скамью напротив, не прерывая жевания. — Умылся? Ну садись, загребай, пока Мира всё не унесла.

— Спалось сладко, дядя. За матрас — отдельный поклон, спина как не моя.

— Спалось ему... — Клео хмыкнул в пышные, чуть пожелтевшие от дыма усы. — Работать сегодня надо. Я утренней ранью у Марцина двух поросят забрал. Загоны почистил, накопил. Как отгремит ваша процедура на площади — бегом в лавку. Надо мясо людям развесить, да, если успеем до захода, разделаем тушу.

— Если успею, дядя... — Аронд подцепил кусок поджаристого сала с хрустящей корочкой. — На площади народу будет не пропихнуться. Пока всех выкликнут, пока списки сверят...

— Успеешь, — строго проворчал мясник, но глаза его оставались добрыми. — Кабы опять с Алеком по переулкам не застряли. Разговоры разговаривать да на девок заглядываться.

Мира поставила перед Арондом большую глиняную кружку, от которой валил пар — травяной отвар с мёдом, — и нервно поправила краешек фартука. Пальцы её, привыкшие к тяжёлой работе — мытью посуды, стирке, — перебирали льняную ткань.

— Клео... — тихим, прерывающимся шёпотом проговорила она, опустившись на край скамьи. — А может... пусть в погребке отсидится? Ну посидит в темнице пару дней, а потом скажем, что заболел, что не мог выйти... Откупимся, а? Все сбережения выгребем! К управителю пойдём!

— Перестань, Мира, — отрезал Клео, но голос его просел, став глухим и старым. — У нас управитель не дурак, а стража не слепая. За уклонение одна дорога — рудники в Руте на каторгу, а парня всё равно забрали бы, да только в штрафной обоз. Налог кровью — он для всех одинаковый. Все проходят.

— Да не кручинься ты, тётушка, — Аронд отложил ложку, взял Миру за прохладную, пахнущую сушёным укропом и свежим мылом руку и легко сжал её пальцы. — Посмотри в окно: утро какое. На площади будет сотни две народа со всего округа. Чёрных бумажек совсем мало. Я уже четыре года вытаскивал белые. И сегодня вытащу.

Он допил отвар, вытер губы рукавом, поднялся из-за стола и, схватив с тарелки сухое печенье с кунжутом, звонко поцеловал тётку в тёплую, горячую от печи щёку:

— Спасибо за завтрак, тётушка! Дядя, я к десяти буду в лавке, как часы!

У крыльца, прислонившись спиной к побеленному бревну стены, стоял Алек.

Сын кузнеца Синоса в свои двадцать три года вымахал с хорошего быка: плечи — не пролезешь в дверной проём, руки толщиной с хорошую лесину, а лицо простое, широкое, со слегка приплюснутым носом и добрыми серыми глазами. Они знали с шести лет, когда вместе лазали через жердевой забор в сад деда Веспина за недозрелой кислицей. Когда дед выскочил с крапивным жгутом, Алек застрял между жердями, и, если бы Аронд не сообразил выбить камнем засов на калитке и не закричал, что на огороде горит сарай, дед переломал бы кузнецкому сыну все рёбра.

— Долго телишься, — буркнул Алек, дожёвывая твёрдое сухое яблоко. — Я уж думал, ты под кровать забился и засов изнутри заложил.

— Тётя Мира оладьями пытать пыталась, — отмахнулся Аронд, шагая на улицу. — А ты чего вырядился? Рубаха чистая, от сапог дёгтем за версту несёт... Неужто думаешь, что стражники на площади за красоту тебя домой отпустят?

— Пошёл ты, — ухмыльнулся Алек, но тут же поравнялся с ним и понизил голос: — В таверну-то вечером идём? Якоб вчера бочку тёмного из Рута распечатал. Говорят, густое, как дёготь, и ячменём пахнет. Да и... Велис там опять с подносом бегать будет?

Аронд чуть сбавил шаг, почувствовав, как кончики ушей предательски наливаются теплом, и с размаху ткнул кулаком Алека в массивное плечо:

— Тебе-то какое дело, кузнечная морда?

— Ауч! Ну и дикий, — преувеличенно охнул Алек, хватаясь за плечо. — Заладили как олени на водопое, взглядами перекидываетесь... Ладно-ладно, молчу! Пошли быстрее, а то стражники на перекрёстке опять орать начнут, что мы нога за ногу плетёмся.

Улица ремесленников жила своей обыденной утренней жизнью.

Широкая, с утоптанной до плотности камня серой глиной, она не знала заборов перед фасадами — дворы стояли открытыми. Ветви огромных дубов бросали на землю резные тени. Возле дома гончара двое мальчишек гоняли деревянным обручем проплешистого пса; у пивоварни дюжий мужик с голым торсом катил в подвал пустую дубовую бочку, гулко бухавшую по деревянным настилам.

Возле пекарни Андо пахло особенно сладко. На рабочей площадке перед закрытыми ставнями торгового окна стояла большая деревянная бадья, из которой валил пар.

Велис, дочь пекаря, наклонившись над бадьёй, мыла круглую тестомойку. Ей было пятнадцать, и она, тонкая и гибкая, склонилась над деревянными стенками, засучив рукава серого платья до самых локтей. На щеке её задорно белело пятно муки, а из-под льняной косынки выбился золотистый локон.

Услышав шаги, она выпрямилась, вытирая мокрые, розовые от горячей воды руки о фартук. Увидела Аронда — и лицо её мгновенно вспыхнуло живым румянцем.

— Аронд! — окликнула она и сделала два шага к краю площадки, сжимая в кулачке мокрый край фартука. — Вы... вы уже на площадь?

— На площадь, Велис, — Аронд притормозил, неловко поправляя пояс. — Народу сегодня много. Думаю, к полудню всё закончится.

Велис посмотрела на него без привычного девичьего лукавства, и в её серых глазах проскользнула затаённая тревога. Она чуть прикусила нижнюю губу.

— Ты... возвращайся скорее, — тихо сказала она, и пальцы её сильнее сжали ткань. — Отец сегодня вечером бочку яблочного взвара ставить будет. В таверне у Якоба свежий хлеб просили... Я сама поднос понесу. Будешь там?

— Буду, — выдохнул Аронд, и ему вдруг стало удивительно легко. — Обязательно буду.

Велис улыбнулась — быстро, светло — и мазнула мучной ладошкой по воздуху, посылая ему тайный привет, а затем спешно вернулась к своей бадье.

— Ну точно, олени, — пробасил Алек, рванув вперёд и хохоча на всю улицу. — Догоняй, влюблённый!

— Я тебе сейчас дам оленей! — Аронд засмеялся, подхватил полу туники и бросился за другом, с удовольствием слушая, как гулко стучат их ботинки по сухой земле, и на время выбросив из головы мысли о площади.

Лёгкость обвалилась через сотню шагов.

На повороте у переулка Ткачей им преградила путь чужая, злая суета. Из дверей добротного дома вывалился плотный мужчина в засаленном кожаном кафтане. Он волок за шиворот парня лет семнадцати — щуплого, рыжеватого, с длинной тонкой шеей. Парень отчаянно упираясь босыми пятками в сухую пыль, плакал и захлёбывался соплями:

— Дядька, не надо! Пожалуйста! Я боюсь! В Пограничье жнецы! Они кишки выпускают! Дядька!

— Заткнись, мразь! — мужчина с силой крутанул парня и всадил ему тяжёлый сапог под зад, так что тот больно грохнулся коленями в пыль. — Ты из рода Марков! Отец твой на реке сгинул, брат ушёл, а ты за бабью юбку прятаться будешь? Пошёл, скурвин сын! Чтоб я тебя до полудня у дома не видел! Убьют — значит, доля такая!

Мужчина сплюнул в пыль и с грохотом захлопнул дубовую дверь. Парень поднялся, вытирая грязным рукавом юшку из носа, и, всхлипывая, поплёлся в сторону рыночной площади.

Аронд и Алек замедлили шаг.

— Который это у тебя? — тихо, не поворачивая головы, спросил Алек.

— Пятый, — ответил Аронд. В кармане его пальцы сами собой нашли твёрдый ребристый ободок серебряной монеты. Холод серебра на миг отрезвил засакававшие мысли. — Через два дня двадцать один будет. Ещё четыре года после этого в списках ходить. А у тебя?

— Больше твоего, — буркнул Алек. — Местные стражники вчера у кузницы болтали, что у Ордена в этом году с набором строго. Из нашего уезда десятка полтора заберут.

— Из двухсот человек? — Аронд мгновенно уцепился за привычную математику, восстанавливая внутренний покой. — Это меньше десяти процентов. Девять из десяти остаются дома, Алек. К обеду вернёмся. Ты — к наковальне, я — к Клео с поросятами.

— Угу. Девять из десяти, — повторил Алек, но Аронд видел, как на его широкой челюсти перекатываются желваки.

Чем ближе они подходили к центру, тем гуще становился людской поток. Из всех главных улиц в русло рыночной площади выливались молодые парни и девушки в возрасте от шестнадцати до двадцати пяти. Одни шли молча, уставившись себе под ноги; другие, наоборот, гоготали чересчур громко, перекликались через головы, сияясь показать, что им всё равно.

Чуть впереди, печатая шаг и картинно поигрывая висящим на поясе мечом в дешёвых латунных ножнах, шёл Риторд — сын зажиточного лавочника с нижней пристани. На нём был щегольской замшевый кафтан с витыми пуговицами. Но лицо его было неестественно белым, а пальцы, сжимавшие рукоять меча, побелели в костяшках. Он громко вещал двум притиснувшимся к нему прихвостням, сияясь перекрыть собственный страх:

— Да пусть только попробуют выкликнуть мою фамилию! Посмотрим, как они запоют! Я в Пограничье не кашу жрать пойду! Мастер Витт говорил, что у меня лучший выпад в уезде! Я там этим стригорнам все брюхи повыпущаю!

Аронд посмотрел на его спину. Под дорогой замшей чётко проступали судорожно приподнятые плечи, а лопатки нервно подрагивали при каждом шаге.

— Он каждый год так орёт? — тихо спросил Аронд.

— Каждый, — хмыкнул Алек. — Ему в осенний солнцеворот двадцать пять стукнет. Последний жереб в жизни. Бойтся так, что жила на шее толщиной с мизинец вздулась.

Рыночная площадь Рыбницы, обычно сжатая рядами крытых лавок, лотков с речной рыбой, корзинами с капустой и штабелями бочек, сегодня казалась дикой и неузнаваемо огромной. Все временные торговые палатки были убраны до единой, обнажив ровное булыжное поле.

По периметру, закрывая выходы на улицы, стояла местная стража — два десятка дюжих мужиков в потемневших от пота кожаных куртках с кольчужными вставками на плечах и простых железных шлемах. В руках они держали длинные ясеневые копья. Стражники работали механически, цепко проверяя по спискам каждого входящего и отжимая прочь зевак и родственников.

В центре площади сбилась в плотную массу толпа участников — около ста двадцати человек.

Толпа жила лихорадочной, рваной жизнью. В двух шагах от Аронда высокая девчонка с длинной русой косой судорожно, до белизны ногтей сжимала пальцы своей матери, оставшейся за линией копий; мать молча глотала слёзы, вытирая лицо концом головного платка. Чуть дальше парень в засаленной жилетке сапожника непрерывно, вполголоса бубнил какую-то бытовую молитву, путая слова. Какой-то коротышка у самого помоста нервно, истерично хихикал над собственной глупой шуткой, но никто из стоящих рядом даже не повернул головы на его смех.

Аронд и Алек протолкались к самому краю толпы, упершись грудью в копьё старого стражника.

Посреди площади возвышался деревянный помост — шесть на четыре метра, срубленный из свежих сосновых брусьев, от которых на солнце густо несло смолой. На нём стояли представители Ордена.

Четверо бойцов охраны застыли по углам помоста. На них были длинные кольчуги поверх плотных стёганных поддоспешников, железные шлемы с наносниками и тяжёлые красно-чёрные плащи. Снаряжение было добротным, одинаковым и тщательно ухоженным. На фоне местной

стражи они выделялись сразу — не блеском поздних рыцарских лат, а качеством железа, оружия и военной выправкой.

В центре стоял Эмиссар Ордена в красной мантии с белым и золотой вышивкой. Лицо его — сухое, пергаментное — выражало смертельную усталость.

Рядом с ним, возле высокой деревянной урны, обтянутой чёрным холстом, стоял помощник в сине-серебряной одежде.

— Начнём, — тихо сказал Эмиссар.

Голос его был негромким, но площадь постепенно стихла.

Помощник выпрямился и выкликнул:

— Бернارد, сын Вульфа!

Парень вытянул бумажку.

— Белая, — коротко бросил помощник.

— Густав, сын шорника!

Белая.

— Марта, дочь гончара!

Белая.

— Риторд, сын Гаспара! — раздался громкий голос.

Толпа качнулась. Риторд выпрямил спину и с деревянной вальяжностью пошёл к помощнику. Поднялся, опустил руку в урну и вытащил бумажку.

Помощник развернул её и ровно произнёс:

— Чёрная.

Хвастовство Риторда вылетело из него в единый миг.

Лицо потеряло всякий цвет, став серым, как зола в заброшенном очаге. Челюсть отвисла, взгляд остекленел. Он не стал орать и брыкаться — просто обмяк внутри своего замшевого кафтана.

Местный стражник поднялся на помост, сгреб его под руку и потащил вниз. Риторд переставлял ноги послушно, почти не понимая, куда его ведут, уставившись в одну точку перед собой.

— Алек, сын Синоса! — крикнул помощник.

Алек вздрогнул всем своим огромным телом. Посмотрел на Аронда круглыми глазами.

— Иди, — Аронд с силой толкнул его в бок. — Твой черёд.

Алек поднялся. Его ладонь нырнула в урну.

— Белая!

Алек выдохнул так шумно, что на него оглянулся даже один из бойцов Ордена. На широком лице кузнецова сына расплылась глупая, совершенно детская улыбка. Он махнул Аронду белой бумажкой и шагнул вниз, за линию копий.

Аронд почувствовал, как в груди поднялась горячая радость за друга.

А через секунду она опала, оставив после себя странную пустоту.

Алек был там.

А Аронд остался здесь.

Помощник выкликал имя за именем.

— Белая...

Следующее имя.

— Белая.

Ещё одно.

— Белая.

Сухой шорох бумаги в урне. Короткое слово помощника. Выдох толпы. Снова имя.

Девчонка из нижней деревни вытянула чёрную — и тихо, беззвучно осела на доски. Её подхватили местные стражники и унесли.

А потом снова пошли белые.

Одна.

Вторая.

Третья.

Четвёртая.

Пятая.

Шестая.

«Шесть подряд».

Аронд вытер взмокшую ладонь о тунику.

Это ничего не значило. Он знал это. Белые до него никак не могли решить, какую бумажку вытащит он сам.

Но знание почему-то не помогало.

Пальцы снова нашли в кармане серебряную монету отца.

«Чёрных мало. Народу ещё полно. Шанс маленький».

— Аронд, сын Лоурента!

Имя ударило по ушам.

Аронд замер.

Толпа вокруг расступилась.

Он сделал вдох, выпрямил спину и пошёл.

Шагал ровно, силясь сохранить внутренний покой. Пальцы в кармане так и не выпустили монету.

«Шанс мал. Всё будет хорошо».

Он поднялся по ступеням.

Перед урной стоял Эмиссар.

Вблизи от него пахло дорогой тканью, кожей и слабым, вьёвшимся в одежду дымом.

Аронд поднял взгляд.

Усталые глаза Эмиссара скользнули по нему без малейшего интереса.

А потом взгляд Аронда сполз вниз и зацепился за его ботинки.

Они были безупречными.

Сшитые из мягкой кожи северного красного оленя, красновато-коричневого оттенка, с идеально ровной строчкой мелким стежком. На них не было ни единой пылинки.

Аронд смотрел на эти ботинки и почему-то думал о совершенно ненужной сейчас вещи:

«Интересно, кто их ему чистит?»

— Тяни, парень, — сухо напомнил помощник.

Аронд медленно вынул руку из кармана, оставляя монету на самом дне.

Опустил кисть в темноту урны.

Пальцы коснулись бумажных полосок, чуть влажных от множества чужих рук.

Он не стал перебирать.

Нащупал крайнюю слева.

Сжал.

Вытащил.

Развернул.

Бумага была чёрной.

Аронд смотрел на неё.

Секунду.

Ещё одну.

Он знал, что это значит.

Но мысль почему-то не складывалась.

Чёрная.

Просто чёрный кусок бумаги между его пальцами.

Шум площади куда-то отдалился. Люди продолжали двигаться, кто-то кашлянул, помощник рядом перелистнул свиток, на улице за площадью крикнул торговец — всё это происходило, но будто слишком далеко.

Хлеб Андо.

Мокрые руки Велис.

Завтрак Миры.

Два поросёнка Клео.

Алек.

Таверна вечером.

Всё это ещё было утром.

Несколько часов назад.

— Чёрная, — зафиксировал помощник.

Аронд не ответил.

Дюжий местный стражник с рябым лицом жёстко цапнул его за предплечье.

Ткань туники натянулась под пальцами.

Стражник дёрнул его в сторону, освобождая место перед урной.

Второй набросил Аронду на шею суровую пеньковую верёвку.

На ней висела тяжёлая прямоугольная деревянная плашка.

Номер:

47.

Ниже был выжжен знак Ордена:

Солнце. Меч. Книга.

Деревяшка с глухим стуком ударила Аронда по ключице.

Стражник крутанул его за плечо и коротко, без злости, толкнул между лопаток:

— Пошёл. Не задерживай.

Аронд качнулся вперёд.

И сделал первый шаг к загороди для отмеченных, споткнувшись на ровном булыжнике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.